

ВЛАДИМИР БОЙКО (Чернигов, Украина)

XX ВЕК НА СТРАНИЦАХ “УКРАЇНСЬКОГО ГУМАНІМАРНОГО ОГЛЯДУ”

Выход в свет шесть лет тому назад “Українського гуманітарного огляду” (УГО) стал заметным событием для украинской исторической (и не только) науки. На страницах журнала объединились украинские исследователи, а также историки из Польши и России. Стремясь оперативно реагировать на массу новых публикаций, выходящих как в Киеве, так и за его пределами основатели УГО, по сути, возродили в Украине жанр независимой рецензии. На характер публикаций журнала в той или иной степени оказало влияние понимание функции УГО как своего рода катализатора и, одновременно, трибуны научного дискурса, издания, на которое возложена миссия поиска новых подходов в украинской историографии. “Научная конфронтация”, “интеллектуальная провокация” – термины, использованные самими основателями УГО, вполне адекватно передают основное его содержание. Отсюда критерии, которым должны были отвечать все статьи, претендующие на публикацию: высокий профессиональный уровень, новаторский взгляд на любую проблему, владение новейшими методами исследования, независимость и откровенность авторских оценок.

Правда, в последнем, девятом номере УГО, редакционный совет решил пересмотреть его концепцию. Начиная с 2003 г. это не исключительно рецензионное, а периодическое издание, посвященное проблемам историографии в широком смысле. Кроме того, УГО намерен печатать отдельные фактографические работы, которые носят новаторский либо ярко выраженный провокационный характер. Впрочем, в настоящем обзоре речь пойдет только о рецензиях, тем более, что в двух последних выпусках УГО советологических публикаций нет.

Основными авторами УГО выступают украинские историки разных поколений. Их привлекают, как правило, работы, вышедшие в Украине независимо от их авторства – отечественного либо зарубежного. Реже – книги, изданные в других странах. Иногда осуществляются публикации, призванные познакомить украинскую научную общественность с результатами работы международных конференций, коллоквиумов. Публикации российских историков в УГО обычно бы-

ли связаны с заметными событиями в российской историографии. Все материалы, так или иначе относящиеся к советологии, печатались, преимущественно, под двумя ключевыми рубриками – “Проблемы” и “Дискуссии”. По жанру это развернутые, иногда остро критические рецензии и отклики на новые издания и статьи. (Материалы, помещенные в “Обзорах”, носят по преимуществу ознакомительный характер. В разделе “Информация” интересующая нас тематика не представлена).

Серия публикаций в УГО принадлежит известному украинскому историку В. Верстюку. В материале, посвященном в проходившем в Петербурге международному научному коллоквиуму “Россия и первая мировая война”,¹ он постарался заинтересовать читателей новейшими веяниями в российской и западной историографии. На его взгляд, программа коллоквиума была составлена таким образом, чтобы показать, что участники настроены на изучение не столько видимых сторон войны, как стремятся выявить особенности функционирования российского общественно-политического организма в экстремальных условиях с тем, чтобы поставить точный диагноз его болезни и таким образом выяснить роль и место мировой войны в новейшей истории России. Комментируя прозвучавшие доклады, автор согласился с выводом о том, что предложение не разделять историю войны и революции, рассматривать их как целостный процесс, весьма продуктивно в научном отношении.²

В отклике на книгу А. Грациози “Большевики и крестьянство на Украине 1918–1919 годы: очерк о большевиках, национал-социалистах и крестьянских восстаниях”³ Верстюк, по существу, сформулировал свое нынешнее видение проблем революции, изучению которых отдал много лет жизни. Отдавая должное наблюдениям автора, украинский исследователь заключил: вывод об оригинальности и, к тому же, определенной парадигматической ценности украинского опыта 1918–1919 гг., символизирует изменение подхода к ней в западной историографии. Общий ход мысли А. Грациози, по мнению автора рецензии, совпадает с современной украинской оценкой революции как самостоятельного исторического явления, связанного не только с Первой мировой войной и революционными изменениями в России, но и вписанного в контекст событий в Центральной и Восточной Ев-

1. *Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного коллоквиума)* (СПб: “Дмитрий Буланин”, 1999).

2. В. Верстюк. “Чи на війні як на війні?”, УГО, вип. 4 (2000), с. 52–67.

3. А. Грациози, *Большевики и крестьянство на Украине, 1918–1919 годы: очерк о большевиках, национал-социалистах и крестьянских восстаниях* (Москва: АИРО-XX, 1997).

ропе. Западный исследователь выдвинул на первый план крестьянскую тему, тем самым, предложив такую теоретическую схему рассмотрения Украинской революции, которая открывает потенциальные возможности для объединения ее политических, национальных и социальных компонентов. В то же время В. Верстюк не согласился с утверждением автора о том, что большевики в 1918 г. воспринимались в качестве авангарда движения за национальное освобождение Украины (в свое время подобную мысль высказывал В. И. Ленин). Более того, по мнению украинского историка, именно этот год основательно развел исторические судьбы России и Украины: на одной из территорий бывшей империи утверждался "военный коммунизм", на другой – была осуществлена попытка консервативного государственного переворота.

Принципиальной для украинского историка является оценка причин свертывания украинского повстанческого движения. Главную роль, на его взгляд, здесь сыграли не отказ большевиков от социалистической перестройки села, не уступки, сделанные ими в области культуры и языка, не привлечение членов партии боротьбистов к деятельности КП(б)У и не репрессии против сельского населения, как утверждает А. Грациози. Сказался фактор голода, а затем внедрение НЭПа. По мнению Верстюка, не стоит сбрасывать со счетов еще одну возможную причину. Дело в том, что интересы большевиков и украинских селян на короткий промежуток времени совпали – они, каждый по-своему, занялись уничтожением всех пореформенных буржуазно-капиталистических новаций. Временное перемирие между ними завершилось трагическими событиями 1929–1933 гг.⁴

Проблема участия крестьянства в Украинской революции нашла своё продолжение в рецензии В. Верстюка на книгу американского историка Ю. Кульчицкого "Шаблі з плугів: український повстанський рух у Визвольних змаганнях".⁵ В целом эта работа получила остро критическую оценку. В частности, рецензент отметил, что в ней почти дословно воспроизводятся взгляды участников событий с украинской стороны, причем вопреки тому, что сделанные ими выводы другими источниками не подтверждаются. Между тем, как утверждает рецензент, аргументы украинских участников событий уже не раз использовались. Это делалось не столько для выяснения подлинной истории "Вольного казачества", как в качестве "аргументов" затянувшихся споров среди различных течений украинской эми-

4. В. Верстюк. "Ще раз про селянську тему в українській революції", УГО, вип. 2 (1999), с. 75–90.

5. Ю. Кульчицький, *Шаблі з плугів: український повстанський рух у Визвольних змаганнях* (Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2000).

грации на протяжении 20–70-х гг. XX в. Критически оценив реанимированные Кульчицким подходы, украинский исследователь предпринял свою попытку деконструкции устоявшихся шаблонов в оценке “Вольного казачества”: его появление можно рассматривать как попытку возрождения старой архаической казатчины, которая хорошо стимулировала национальное сознание, но не соединялась с политической активностью; затем наступил период его острой политизации, завершившийся установлением тесных связей с Украинской Центральной Радой осенью 1917 г. Предварительный вывод историка таков: “Вольное казачество” оказалось ярким, но неэффективным проектом. Впрочем, его история – это хороший повод для более основательного исследования роли в революции сельского населения, особенно для обстоятельного изучения крестьянского повстанческого движения.

По мнению рецензента для книги Кульчицкого, как и для ряда других работ современных украинских историков, характерен весьма опасный недостаток – стремление писать книги без должного изучения источников, односторонне и некритически опираясь на устаревшую литературу. Перенесение в постсоветскую украинскую историографию старых идеологических клише эмигрантской историографии, по мнению В. Верстюка, лишено научной перспективы, оно грозит украинским историкам изоляцией от мирового сообщества исследователей.⁶

В. Верстюк проанализировал также ряд работ известных российских историков, посвященных проблемам революции.⁷ Отдавая должное их достижениям, он, со своей стороны, заключил: объяснение причин поражения Центральной Рады следовало бы искать не столько в недостаточном уровне развития украинского национализма, сколько в принципиальной невозможности утверждения демократии в постимперской революционной России (включая Украину). На основе данных Л. Протасова по выборам в Учредительное собрание В. Верстюк предложил принципиально новый взгляд на геополитическую конфигурацию тогдашней Украины: она вовсе не была право – или левобережной, как до сих пор принято считать, а “киевоцентричной”. Такая схема остается устойчивой, на наш взгляд, до сих пор – это впечатляюще продемонстрировали президентские выборы 2004 г.

6. В. Верстюк, “Вільне козацтво” в полоні історіографічної традиції”, *УГО*, вип. 6 (2001), с. 40–84.

7. *История национальных политических партий России* (Москва: РОССПЭН, 1997); Л. Г. Протасов, *Всероссийское учредительное собрание: история рождения и гибели* (Москва: РОССПЭН, 1997); В. П. Булдаков, *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия* (Москва: РОССПЭН, 1997).

в Украине. Монография В. Булдакова “Красная смута”, по мнению В. Верстюка, предлагает новый историософский уровень осмысления революции. Ее оригинальность в том, что автор показал, что в основе “революции-смуты” лежит не столько политическая логика событий, как хаос массового насилия, стремление к которому долго вызревало в массовом подсознании россиян.⁸

В центре внимания российского исследователя И. Михайлова оказался сборник, посвященный роли евреев в российской революции.⁹ Автор расценил его появление как попытку посмотреть на революцию, гражданскую войну, а затем и на природу большевистской власти под углом зрения присутствия в ней этнопсихологического компонента, получившую заметное распространение в современной российской историографии. Причем сделано это было при помощи документов, а не собственных, как всегда весьма умозрительных, соображений и комментариев.¹⁰ Помимо этого, И. Михайлов дал весьма высокую оценку книге петербургского историка А. Смолина о белом движении на Северо-Западе России.¹¹ Эта работа, отметил он, написана на основе огромного массива источников, для неё, вместе с тем, характерно внимание к региональным проблемам белого движения, его связи с политикой новообразовавшихся после распада империи новых государств. Попутно И. Михайлов обратил внимание на некоторые острые проблемы новейшей российской историографии. На его взгляд, появившаяся после 1991 г. возможность писать не “разоблачительную” историю контрреволюции, а изучать политические шансы противников большевиков на победу в гражданской войне, привела к апологетике тех ее участников, которых совсем недавно поносили.¹² Очевидно, добавим от себя, такая установка столь же малопродуктивна и для понимания событий, происходивших в Украине.

Некоторые проблемы украинской революции и ее последствий поднимаются в рецензии украинского историка Г. Касьянова на книгу А. Грищенко “Своя мудрість”,¹³ хотя сама работа посвящена иной теме – в ней анализируются основные элементы мифологии украин-

8. В. Верстюк, “Українські фрагменти російської мозаїки про революцію”, УГО, вип. 3 (2000), с. 107–22.

9. *Евреи и русская революция. Материалы и исследования*, редактор-составитель О. В. Будницкий (Москва-Иерусалим, 1999).

10. См.: УГО, вип. 4 (2000), с. 238–46.

11. А. В. Смолин, *Белое движение на Северо-Западе России (1918-1920 гг.)* (СПб, 1999).

12. См.: УГО, вип. 6 (2001), с. 255–58.

13. Олександр Грищенко, “Своя мудрість”. *Національні міфології та “громадська релігія” в Україні* (Київ: Інститут культурної політики, 1999).

ского национализма. Автор рецензии считает обоснованной точку зрения, связывающую причину катастрофы украинской государственности в 1917–1921 гг. с практикой сакрализации украинской интеллигенцией ею же выдуманного “народа”. Г. Касьянов считает, что народнический миф был мощным идейно-мобилизационным фактором национального движения на определенном этапе его развития, но со временем его возможности обернулись слабостями украинского национализма. Заключение А. Гриценко о том, что крах народнического мифа, среди прочего, привел к возрождению в Украине в межвоенный период элитисткой мифологии, Г. Касьянов считает новым элементом продолжающейся дискуссии об интеллектуальных предпосылках радикального (“интегрального”) национализма. Не менее существенным, на его взгляд, является вывод А. Гриценко об адаптации украиносоветской мифологией старых народнических мифов. Во многом именно этим Г. Касьянов объясняет феномен живучести в общественном сознании украинцев “агромаентальности”, со свойственной ей клановостью, склонностью к культу формальных атрибутов, традиционных авторитетов, патриархальных ценностей.¹⁴

Как весьма оригинальную украинский историк В. Пидгаецкий оценил книгу российских коллег В. И. Тихонова, В. С. Тяжельниковой и И. Ф. Юшина “Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930 годы. Новые архивные материалы и методы обработки”,¹⁵ в которой исследуется судьба так называемых лишенцев. По мнению В. Пидгаецкого, авторы убедительно показали, что дело не ограничивалось лишением представителей “эксплуататорских классов” политических прав – они теряли возможность продвижения по социальной лестнице, оставались без социальной поддержки со стороны государства. К числу важных исследовательских достижений украинский историк относит и предложенную российскими коллегами типологию различных категорий лишенцев. Но основное внимание рецензент уделил теоретико-методологическим основам исследования. Предложенные авторами новации в использовании информационных технологий для анализа массовых источников, по мнению автора рецензии, привели к своего рода демократизации исследуемой проблематики – усилению внимания к жизни и быту людей, формированию различ-

14. Г. Касьянов, “Світоглядна (р)еволуція?”, УГО, вип. 2 (1999), с. 11–18.

15. В. И. Тихонов, В. С. Тяжельникова, И. Ф. Юшин, *Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930 годы. Новые архивные материалы и методы обработки* (Москва: Мосгорархив, 1998).

ных типов социального поведения, взаимодействию личности с государственной властью, наконец, к феномену “маленького человека”.¹⁶

Российский историк В. Булдаков опубликовал рецензию на нашу мемуарную книгу известного петербургского исследователя Б. Миронова “Социальная история России периода империи”.¹⁷ И хотя большая часть как исследования, так и рецензии не относится к советскому периоду истории, нельзя не отметить одного из ключевых выводов рецензии: появление СССР означало архаизацию российского социально-исторического бытия. Стоит заметить, что подобная точка зрения находит в России все новых и новых сторонников. Таким образом, заключает В. Булдаков, не стоит по примеру Миронова доказывать, что после Октября дистанция между Западом и Россией в экономической и культурной сферах сократилась¹⁸ – произошло нечто противоположное.

Своеобразное развитие этот тезис получил в следующей рецензии В. Булдакова, в которой анализировались подготовленный К. Сорокиным и Н. Петровым справочник “Кто руководил НКВД. 1934–1941”, также сборники “Репрессии против поляков и польских граждан” и “Наказанный народ: репрессии против российских немцев”.¹⁹ По этой тематике в постсоветской России написано уже немало. Констатируя, вместе с тем, падение к ней интереса широкой читательской аудитории, В. Булдаков наряду с этим высоко оценивает уровень рецензируемых изданий. В названных работах удалось, в частности, выявить целый ряд особенностей национального и социального происхождения, образовательного уровня, а также динамики состава представителей НКВД в соответствии с “духом времени”. Можно проследить и особенности репрессий против них самих.

Преследования в СССР по этническим признакам поляков и немцев В. Булдаков оценивает как “имперски-этнофобские акции”. Первые симптомы такого рода действий историк относит к началу 30-х гг., когда из городов в массовом порядке выселялись цыгане – “не-

16. В. Підгасцьк, “Двобій людини з державною машиною у світлі кілометрики”, УГО, вип. 1 (1999), с. 70–88.

17. Б. Н. Миронов, *Социальная история России периода империи (XVIII–начала XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*, в 2-х тт. (СПб., 1999).

18. В. Булдаков, “Социальная история России: лечение новыми иллюзиями?”, УГО, вип. 4 (2000), с. 119–36.

19. К. В. Скоркин, Н. В. Петров, *Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник* (Москва: Звенья, 1999); *Репрессии против поляков и польских граждан. Исторические сборники “Мемориала”*, вып. 1 (Москва: Звенья, 1997); *Наказанный народ: репрессии против российских немцев* (Goethe-Institut, Общество “Мемориал”, Москва: Звенья, 1999).

трудоу элемент”. Вместе с тем, В. Булдаков соглашается с теми историками, которые считают, что репрессии по национальному признаку получили преобладание в 1938 г. В тот период, помимо поляков и немцев, пострадали также украинцы, латыши, финны, греки, чехи, татары, представители других народов. В связи с этим делается вывод об “этноподозрительности” советской репрессивно-карательной системы, о внедрении в доктрину официального интернационализма мощного компонента примитивной этнофобии. Наряду с этим В. Булдаков подвергает сомнению точку зрения исследователей, относящих к числу сознательно направленных репрессий голод 1921–1922 гг., от которого больше всего пострадало население Украины и Поволжья.²⁰ Не получил “этнической оценки” и голодомор 1932–1933 гг., фактически ставший актом геноцида против украинского народа.

Не столь трагический, но все-таки серьезный прессинг в межвоенный период украинский народ испытывал со стороны еще одного государства – Польши. Этой проблеме уделил внимание украинский исследователь Ю. Крамар в связи с выходом в свет книги польского коллеги Я. Моклака.²¹ Автор рецензии признает, что между украинцами, проживавших в разных регионах Второй Речи Посполитой существовали существенные отличия применительно к уровню национального сознания, политической и культурной активности. Именно это использовалось для проведения в Польше политики “регионализма”. По мнению Ю. Крамара, она оценивалась неоднозначно: в глазах поляков это была кампания по укреплению польской государственности, украинцев видели в ней стремление ликвидировать украинский национальное движение путём распространения полонофильских настроений среди украинцев. Украинский историк согласился с мнением Я. Моклака – концепция “регионализма” в конечном счете показала свою несостоятельность. Получается, добавим от себя, что многие народы развалившейся империи обнаружили склонность к этнократии: гонимые в СССР поляки в своём собственном государстве осуществляли репрессивную (пусть не столь жесткую) политику по отношению к украинцам.²² В связи с этим очевидно, что проблематика имперского и постимперских национализмов, их взаимовлияния и взаимодействия и заслуживает дальнейшего изучения.

Некоторые наблюдения В. Булдакова перекликаются с взглядами украинского исследователя А. Майбороды, высказанными в рецензии

20. В. Булдаков, “Коммунистические репрессии – палачи и жертвы”, *УГО*, вып. 5 (2001), с. 139–54.

21. Jrosław Moklak, *Lemkowszczyzna w Drugiej Rzeczypospolitej* (Kraków, 1997).

22. Ю. Крамар, “Лемківський варіант розв’язання українського питання в Другій Речі Посполитій”, *УГО*, вип. 1 (1999), с. 89–94.

на книгу американского политолога украинского происхождения Р. Шпорлюка “Комунізм і націоналізм”.²³ Рецензент поддержал мнение тех специалистов, для которых концепция советского народа, как новой исторической общности, была обращенным выражением имперски-национального интереса России. Значение работы Р. Шпорлюка, по мнению А. Майбороды, в том, что он показал связь “националистических рефлексий” с политикой “социалистического интернационализма”, причем не только в рамках Советского Союза, но и в границах всего “социалистического лагеря”, а также выявил основные закономерности их взаимодействия. Как отметил рецензент, вывод Р. Шпорлюка о том, что первым национал-коммунистом был Ленин вряд ли можно опровергнуть, если поставить российский и периферийный национал-коммунизм в рамки глобальной системы взаимоотношений между нациями.²⁴

Работы гарвардского профессора Р. Шпорлюка вряд ли можно отнести к классической советологии, – считает другой украинский исследователь В. Кулик, – хотя они и посвящены советскому периоду украинской истории. Тем не менее два сборника статей Р. Шпорлюка, украинско – и англоязычный²⁵ стали объектом его пристального внимания. В. Кулик считает удачным исследовательским приемом то, что автор уделил особое внимание в этих книгах российскому национализму и попытался проследить характер его влияния на национальные движения в других советских республиках. Однако, в целом оценки Р. Шпорлюка кажутся ему преувеличенными. Наиболее интересным ему представляется взгляд американского исследователя на процессы взаимовлияния в ходе создания наций в советский период. В частности Шпорлюк уделил особое внимание воздействию на Украину со стороны Австрии и Польши, а также вестернизационному влиянию последней на СССР в целом. Центральная тема англоязычного сборника Шпорлюка, отмечает В. Кулик, – роль Украины в крахе Советского Союза. Фактически он ставит под сомнение доминировавшую ранее на Западе россицентричную схему оценки общественно-политических процессов, протекавших в Советском Союзе. В связи с этим В. Кулик высказывает предположение: переписывание истории Украины на Западе станет не менее радикальным, чем

23. Роман Шпорлюк, *Комунізм і націоналізм: Карл Маркс проти Фрідріха Ліста*, пер. з англ. Георгія Касьянова (Київ: Основи, 1998).

24. О. Майборода. “Ідеології, що втратили цноту: несподівані риси комунізму й націоналізму”, *УГО*, вип. 4 (2000), с. 34–43.

25. Роман Шпорлюк, *Імперії та нації: з історичного досвіду України, Росії, Польщі та Білорусі* (Київ: Дух і літера, 2000); Roman Szporluk, *Russia, Ukraine and the Breakup of the Soviet Union* (Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2000).

на территории бывшего СССР – этом смысле работы Р. Шпорлюка весьма показательны. Примечательно и другое – автор рецензии согласился с мнением гарвардского профессора: теперь стоило бы изучать не столько империи и нации, как группы и институции.²⁶

Весьма важная проблематика региональной истории церкви затронута в рецензии Ю. Волошина на серию работ В. Борщевича, посвященных 20–40 гг. прошлого столетия.²⁷ В данном случае речь идет о различных аспектах украинского церковного возрождения на Волини, включая попытки духовного противостояния советизации края.²⁸ Тему церковного противодействия русификации и советизации продолжил А. Зинченко, прорецензировав сборник документов по истории Украинской автокефальной православной церкви.²⁹ Между прочим, рецензент обратил особое внимание на политику ВКП(б), направленную на создание “альтернативных” (просоветских) церковных структур с помощью украинских обновленцев. Именно обновленцы должны были обеспечить большевистский контроль над приходской жизнью и постепенное разрушение церкви.³⁰ Несколько иначе подошла к оценке действий большевиков российский историк Т. Леонтьева. Анализируя работы своих российских коллег,³¹ она (не отвергая влияния большевистских спецслужб на церковный раскол) пришла к выводу, что обновленчество – значительно более сложное явление, связанное с особенностями постреволюционной действительности. Т. Леонтьева также попыталась связать так называемый церковный ренессанс периода II мировой войны с нежеланием власти препятствовать еще одной манифестации патриотизма и стремлением создать еще один инструмент собственного влияния – своего рода “православно-политический интернационал”. Что же касается позиции самих православных священников, то нельзя забывать, отмечает Леонтьева, что для служителей традиционно государственной церкви

26. В. Кулик. “Перечитування історика”, *УГО*, вип. 5 (2001), с. 86–107.

27. Володимир Борщевич, *Автономна Православна Церква на Волині* (Луцьк: Луцький державний університет, 1998); его же, *Отець Микола Малюжинський на тлі епохи* (Луцьк: Вежа, 2000); его же, *Українське церковне відродження на Волині (20-40-ві рр. ХХ ст.)* (Луцьк: Вежа, 2000).

28. См.: *УГО*, вип. 4 (2000), с. 212–21.

29. *Перший Всеукраїнський Православний церковний собор УАПЦ 14-30 жовтня 1921 р. Документи і матеріали*, упор. Г. М. Михайличенко, Л. Б. Пилявець, І. М. Преловська (Київ-Львів, 1999).

30. См.: *УГО*, вип. 4 (2000), с. 227–31.

31. М. В. Шкаровский, *Обновленческое движение в Русской Православной Церкви ХХ века* (СПб.: “Дмитрий Буланин”, 1999); О. Ю. Васильева, *Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943-1948 гг.* (Москва: ИРИ РАН, 1999).

сотрудничество с любой властью выглядело достаточно естественно.³² В связи с этим напрашивается мысль: сравнительное изучение отношения российского и украинского православного духовенства к большевистским властям в различные периоды советской истории могло бы стать весьма плодотворным.

Как ни странно, проблематика II мировой войны до сих пор представлена в УГО достаточно скупо. Кроме отклика на одну из вышеупомянутых работ, можно назвать лишь рецензию О. Михеевой на книгу В. Никольского,³³ посвященной возникновению и деятельности ОУН-Б в Донбассе. В рецензии констатируется: вокруг подобной тематики до сих пор существует мощный эмоциональный фон. Рецензент, вслед за автором книги, связывает с тем, что здесь историки сталкиваются сразу с двумя расколами – между теми, кто воевал за независимую Украину и теми, кто защищал политические идеи и ценности Советского Союза, с одной стороны, между сторонниками двух политических течений в Организации украинских националистов (бандеровцами и мельниковцами) – с другой. Несомненно, в настоящее время после рассекречивания соответствующих архивных фондов создались благоприятные условия для объективных исследований. В этой связи рецензент отмечает, что автор строго следует документальной основе – каждый факт подтверждается в книге ссылкой на источник. В целом, по мнению О. Михеевой, на суд читателя вынесено спокойное, уравновешенное, лишенное эмоций и политизации научное исследование.³⁴ Следует признать, что это весьма отрадная тенденция.

Жизнь творческой интеллигенции Львова во второй половине XX в. – главная тема исследования О. Голубца.³⁵ Его книга прорецензирована доктором искусствоведения М. Станкевич. Главная ценность работы, отмечает рецензент, в том, что в ней впервые поднят весь комплекс сложных проблем, связанных с приходом тоталитарной системы, её разрушительным влиянием на культурную жизнь западных районов Украины. Конечно, роль Галиции и Львова в новейшей украинской истории была исключительной. Тем не менее, в будущем, по мнению М. Станкевич, такого рода исследования на местном материале могут стать образцом для подготовки аналогичных трудов в других регионах. Что касается рецензируемой работы, считает М. Стан-

32. См.: УГО, вип. 4 (2000), с. 222–26.

33. Н. М. Нікольський, *Підпілля ОУН(б) в Донбасі* (Київ: Інститут історії України НАН України, 2001).

34. См.: УГО, вип. 7 (2002), с. 266–70.

35. Орест Голубець, *Між свободою та тоталітаризмом. Мистецьке середовище Львова другої половини XX століття* (Львів: "Академічний експрес", 2001).

кевича, то в ней следовало хотя бы упомянуть о жизни других тогдашних культурных центров Украины.³⁶

Проблемы современности нашли своё отражение и в ряде других рецензий. Общую негативную оценку (“разумеется привлекательного проекта”) американского историка Кетрин Ваннер дал В. Кулик.³⁷ В данной работе была сделана попытка исследовать взаимодействие исторических представлений и идентификационных процессов в постсоветской Украине. По мнению рецензента, данная книга, будучи лишена многих предубеждений современной западной историографии, все же по ряду вопросов остается уязвимой из-за известного рода упрощений. Выбрав для анализа институционализации национальной культуры из всех сфер общественной жизни только четыре ее аспекта (просвещение, фестивали, систему государственных праздников и упорядочение городского ландшафта), Ваннер изначально ограничила собственные познавательные возможности. В. Кулик указал также на многочисленные недостатки оценочного и фактологического характера, допущенные американским автором.³⁸

Я. Грицак откликнулся на две работы украинского публициста Н. Рябчука, в которых рассматриваются проблемы создания современной украинской нации.³⁹ Рецензент отверг предложенную автором “креольскую” теорию применительно к оценке идентичности русскоязычных украинцев (по своему политическому выбору – украинцев, а по культуре – россиян). Он рассматривает их просто как “своеобразных украинцев”, но, независимо от этого выход обеих работ Я. Грицака оценивает положительно. Главной слабостью обеих книг он считает используемую автором методологию. Выстроенные по позитивистской парадигме исследования, как обычно, тяготеют к поиску универсальной модели модерности, а этого в нынешних условиях уже недостаточно – исследования Н. Рябчука подтвердили это. Себя самого Я. Грицак относит к тем, кто трактует нацию, класс, государство как субъективные конструкции. В связи с этим рецензент обращает внимание на различия в исторических традициях в разных регионах Украины, на размытость и текучесть местных идентичностей. Все это, по его мнению, необходимо было учесть автору книг. В настоящее время, считает Я. Грицак, в деле создания украинской нации

36. См.: УГО, вип. 7 (2002), с. 232–41.

37. Catherine Wanner, *Burden of Dreams: History and Identity in Post-Soviet Ukraine* (University Park, PA: Pennsylvania State Univ. Press, 1998).

38. В. Кулик. “Тягар спрощень”, УГО, вип. 3 (2000), с. 162–76.

39. Микола Рябчук. *Від Малоросії до України: парадокси запізнілого націотворення* (Київ: Критика, 2000); его же, *Дилеми українського Фауста. Громадянське суспільство і “розбудова держави”* (Київ: Критика, 2000).

возникает главный вопрос: имеем ли мы дело с одной нацией в двух различных этнокультурных центрах, или же налицо две отдельные нации. По его мнению, успехи в формировании украинской идентичности на протяжении XX в. были весьма значительными, а разница между Востоком и Западом драматична, но вовсе не трагична. В целом же, считает рецензент, роль и значение этнического фактора в посткоммунистической трансформации Украины исследователями значительно преувеличен.

В связи с проблематикой формирования посткоммунистических идентичностей УГО старается освещать и процессы, протекающие на других территориях бывшего СССР. Проблемы Беларуси и ее "возрожденческой" элиты нашли свое отражение в предпринятом М. Стрихом обзоре первых номеров журнала "ARHE". По мнению автора в результате политики советского периода прежняя белорусская элита оказалась оторванной от народа в значительно большей степени, нежели украинская. Все это дает о себе знать и сегодня. Единственный выход из создавшейся ситуации – создание альтернативной национальной культуры, привлекательной для русскоязычного белорусского города. Осознанно или нет, но такая возможность в современной Беларуси понемногу реализуется, что подтверждает самый факт существования журнала. Примечательны темы, поднятые на его страницах: "порнография", "Лукашенко" (их автор считает скорее эпатажными), "постмодернизм", "Великая Отечественная война", "женщины" – все это отражает стремление соединить "старую" и "новую" проблематику на более высоком аналитическом уровне. В целом украинский автор высоко оценил профессиональный уровень молодых белорусских интеллектуалов, которые в условиях авторитарной Беларуси умудряются выпускать такого рода издание.⁴⁰

Как известно, на развалинах СССР весьма болезненной стала проблема "нового" этнического взаимовосприятия. В связи с этим В. Кравченко посвятил рецензию вопросам становления национальных историографий, изложенных авторами сборника статей "Национальные истории в советском и постсоветском государстве".⁴¹ Авторами его выступили по преимуществу российские авторы. Хотя в книге доминируют современные сюжеты, вместе с тем, рассматриваются и некоторые аспекты советского периода общей истории народов. Определенное место в одной из статей отведено украинской совет-

40. М. Стриха. "Інтелектуальний 'бенкет у чуму', або спроба побудувати альтернативну схему національної культури в окремо взятому часописі", УГО, вип. 2 (1999), с. 130–39.

41. *Национальные истории в советском и постсоветских государствах*, под ред. К. Аймермахера и Г. Бордюгова (Москва: АИРО-XX, 1999).

ской историографии. Внимание украинского исследователя привлекло, между прочим, цитируемое здесь относящееся к 1945 г. анонимное письмо одного из историков – сотрудников АН СССР. В нем пропагандировалась идея “собирания русских земель” и предлагалось официально переименовать западных украинцев в русинов – очевидно, трудно найти лучшую иллюстрацию имперских симпатий в среде российских историков.

Как следует из рецензии В. Кравченко, советской историографии оказались удивительно живучими, несмотря на использование (прежде всего в России) новых исследовательских методик. Более того, очень часто социология и политология начали доминировать над собственно историографией. Так, один из разделов сборника, посвященным исследованию восприятию истории народов бывшего СССР в современной России, оказался построен на принципах советской пропаганды 70–80 гг., предполагавшей, как известно, не достижение взаимопонимания с противной стороной, а ее дискредитацию. Впрочем, подводит итог В. Кравченко, в настоящее время можно встретить немало ученых, готовых подключиться к цивилизованному диалогу культур в рамках академической науки.⁴²

Как видим, трудно упрекнуть УГО в том. Что его редакция склонна критически оценивать зарубежные исследования об Украине и, напротив, всячески превозносить работы украинских авторов. Острые проблемы современной украинской историографии постоянно затрагивались в целом ряде ранее упомянутых публикаций. Так, В. Кулик откровенно признал, что для большинства изданных в Украине книг о современном украинском обществе характерна государственно-националистическая (а то и политическая) заангажированность, беспросветная методологическая отсталость, и нередко даже неумение авторами сформулировать предмет исследования. Не менее критично он оценил и работы многих западных исследователей: умея четко и привлекательно сформулировать тему, методы, гипотезы и выводы, они и теперь не свободны от русоцентризма, предубеждений против “украинского национализма”, а главное склонны к упрощенному взгляду на сложные и неоднозначные процессы. Используя при этом преимущественно описательные методы, они свои далекоидущие выводы делают, как правило, на основе ограниченного документального материала. Г. Касьянов критически высказался по поводу современного неонародничества (неодержавничества) в Украине. По его мне-

42. В. Кравченко, “У пошуках квадратури кола”, УГО, вип. 5 (2001), с. 125–38.

нию, помимо политико-конъюнктурных издержек, оно страдает комплексом “постколониального провинциализма”. Отсюда тяготение к малосодержательному “народоведению”, попытки “возвращения к истокам”, стремление отвергнуть все “чуждое”. В. Верстюк отметил, что для украинской историографии характерно “фасадное” изображение украинской революции способами одной лишь политической истории. По его мнению, подобные приемы лишают украинскую историографию исследовательской перспективы.

Вместе с тем, весьма критично оценивались и некоторые тенденции современной российской историографии. Так, В. Верстюк подчеркнул, что для неё не случайно характерен отказ от употребления понятия “украинская революция”; революционные процессы на Украине оцениваются как своего рода местные фрагменты и детали единой российской революции. Российская историография остаётся на позициях “единства революционного процесса”. Хотя это вовсе не предполагает сохранения старых великодержавных позиций и подходов, но может оказать сдерживающее влияние на изучение специфики революции на окраинах разваливающейся империи. В таких условиях, по мнению украинского исследователя, развитие украинской национальной историографии – процесс необходимый и объективный. Он, в частности, позволяет сконцентрировать внимание на национальных, геополитических, экономических и культурных особенностях украинского прошлого. При этом, по мнению В. Верстюка, нецелесообразно дистанцироваться от лучших достижений российской исторической науки, проявившей чрезвычайную способность к развитию и восприятию достижений мировой историографии. Украинский историк отмечает, что вместе с проблемами государственности, политической деятельности, революционной демократии, в российских исследованиях разрабатываются проблемы массового политического сознания, коллективной психологии масс, революционной культуры и символики, значительное внимание уделяется региональным особенностям революции и тесно связанными с ними национальным проблемам революции.

Как видим, УГО не претендует на охват всех проблем, характерных для современной историографии Украины и, тем более, России, Польши, Беларуси, США или других стран. Заметно, что из всего комплекса публикаций, связанных с историей XX ст., явно доминируют проблемы украинской революции, национальных отношений. Голод 1932–1933 гг. лишь упомянут в контексте репрессий, события второй мировой войны представлены весьма скромно, несколько больше внимания уделено истории церкви, некоторым культурологическим аспектам, вопросам создания, модернизации нации. Зато це-

лые периоды, как, скажем, “хрущевская оттепель”, фактически вообще оказались не освещены. Надо полагать, такая избирательность связана со спецификой научных интересов редакционного совета издания, а также жесткими требованиями к самим рецензиям. Пожалуй, наиболее точным термином для характеристики советологической публикации УГО в данном случае будет определение “мозаика”. И она не оставляет читателя равнодушным. При этом основатели УГО явно перешли ими же очерченные рамки своего издания, превратив его, фактически, в международное.

Центр переподготовки и повышения квалификации работников органов государственной власти